

"Шеф Чи, моя сестра еще молода и невежественна, пожалуйста, будь великодушна, можешь ли ты простить ее на этот раз? В будущем мы, безусловно, будем строго дисциплинировать ее поведение и не дадим ей снова делать подобные вещи".

Чи Ян посмотрел на другую сторону холодными глазами и сказал серьезно: "Мы, Летающий орёл, не вербуем несовершеннолетних".

Толпа слушала, развлекалась.

Подразумевалось, что, будучи еще молодым и невежественным, такое почти бесстыдное объяснение лучше убрать. В конце концов, это уже кто-то, кто какое-то время был рядом с "Летающим орлом" и уходит на пенсию, а у тебя все еще хватает наглости сказать, что ты не повзрослел?

"Если ты не повзрослел, ты должен быть дома, пить молоко и получать хорошее образование в несовершеннолетнем возрасте, так какой смысл выходить на улицу и бороться с другими?"

"Точно!"

Хон Фэйхэн был заблокирован словами толпы, но он не осмелился выразить свое недовольство.

Он мог только избежать сарказма всех и продолжал молить о прощении: "Шеф Чи, после этого вопроса моя мама и сестра действительно знают, что они ошибались, пожалуйста, дайте им еще один шанс".

"Чем?"

Слова Чияна заставили Хон Фэйхэна снова задохнуться, или это Хон Фэйво на стороне, который высказался. И она, в основном, кричала. И кричала, как будто у нее эмоциональный срыв.

"Ты не можешь пощадить нас ради того, чтобы мы были товарищами по оружию, а ты был моим офицером? Почему ты должен довести нас до вымирания?"

Глядя на внешний вид Хун Фишу, который был близок к краю краха, Чиян все еще имел холодное и серьезное выражение и говорил прямо: "Тогда почему ты оклеветал мою невесту до смерти? Хун Фэйву, в последний раз, когда ты и твоя мать называли мою невесту сломанной обувью, сказала, что изменила мне, и назвала ее бесноватой у входа в отряд специального назначения "Летающий орел", я сказала, что ты издеваешься надо мной, и оскорбляешь ее, оскорбляешь меня, даже больше, чем издеваешься надо мной и оскорбляешь меня, мне было трудно с этим смириться. Я предупреждал тебя тогда, это был последний раз, и если бы я знал о следующем раз, я бы никогда тебя не простил. Но как ты это сделал? Ты знаешь о покаянии? Мое прощение, прощение и терпение, вместо того, чтобы позволить вам иметь половину сдержанности и самоанализа, сделали вас еще более сумасшедшим, чтобы снова причинить

глубокий вред моей невесте".

"От имени семьи Нангонг, я здесь, чтобы сообщить вам всем, что семья Хун начинает быть внесена в черный список моей семьей Нангонг в данный момент". Любой, кто поможет семье Хун в будущем, будет в беде с моей семьей Нангонг".

Нангонг Шу, великая голова, которая не говорила, тоже внезапно заговорила.

Мать Хон, Хон Фэйву и Хон Фэйхэн были совершенно глупы на месте.

Особенно мать Хун и Хун Фэйву, как они могли никогда не думать, что это просто разлучить Чи Яна и его девушку, как они могли в конечном итоге взять на себя всю семью Хун?

"Чиян, ты не только солдат, ты еще и глава армии, как ты можешь вот так толкать людей на смерть?"

Мать Хуна была просто разбита горем, она чувствовала, что действительно недооценила Чияна.

"Я солдат, и я должен позволять тебе издеваться над моей невестой снова и снова"? Я глава армии, и я должен позволить тебе оскорблять мою невесту снова и снова? Если я даже не мужчина, почему я все еще солдат? Разве солдаты не должны защищать свои семьи и свой народ?"

Сказав это, Чи Ян в очередной раз взял Нуань Нуань в свои объятия и сказал с клятвой: "Нуань Нуань - моя семья! Там, где она - мой дом".

Толпа офицеров холостяцкой собаки взглянула на этого Чияна, который редко говорил даже в обычный день, но в этот критический момент смог бегло произнести такие милые любовные слова без всяких умственных барьеров.

<http://tl.rulate.ru/book/41096/1218619>